

РЕЦЕНЗИИ И ХРОНИКА

М. А. АРЗУМАНОВА

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОДЫ А. Н. РАДИЩЕВА

I

За последние годы в советском литературоведении появился ряд работ, посвященных проблемам изучения жизни и творчества Радищева, в центре которых стоят вопросы его мировоззрения.

В связи с этим внимание многих исследователей привлекают студенческие годы Радищева, сыгравшие немаловажную роль в формировании его характера и мировоззрения.

Это была пора напряженных идейных исканий и роста, когда «укрепив природные силы своим учением», он устранился от «проложенных стезей» и начал вдаваться в «неизвестные и непроложенные». Здесь Радищев получил первые уроки гражданского мужества, совместной борьбы против притеснителей. После пятилетнего отсутствия в Россию вернулся талантливый мыслитель, гражданин и патриот, готовый «жертвовать и жизнью для пользы отечества».

Однако до недавнего времени наши сведения об этом периоде жизни Радищева были довольно скудны. Целый ряд вопросов оставался без ответа: так, мы фактически не знали, чем же занимался Радищев в Лейпцигском университете? Какие лекции он слушал, у каких профессоров? Насколько успешно? Был ли он настоящим студентом, или только вольнослушателем? Что читали студенты? Какова была истинная причина, ход и значение студенческого бунта? Какое участие в нем принимал Радищев? Имели ли студенты связи с Россией и т. д. и т. п.

На все эти вопросы документы, уже имевшиеся в руках исследователей, ответа не давали. Необходимы были новые разыскания, поиски новых дополнительных материалов. Поэтому

следует всячески приветствовать тот факт, что в 1956 году одновременно появилось несколько работ, достаточно полно и разносторонне освещающих этот период жизни Радищева. И что особенно важно — они целиком построены на новых архивных материалах, позволяющих их авторам выдвинуть ряд интересных и убедительных соображений и наметить пути для дальнейших исследований.

Работы эти — книга А. И. Старцева «Университетские годы Радищева»,¹ статья того же автора «Волнение русских студентов в Лейпциге в 1767 году»,² монография Г. П. Макогоненко «Радищев и его время»³ и статья Петера Гофмана «Русские студенты в Лейпцигском университете».⁴

В книге «Университетские годы А. Н. Радищева» используются неопубликованные документы из дела № 62, хранящегося в ЦГАДА, «О пребывании в Лейпцигском университете Радищева, Кутузова и других русских дворян, учившихся юриспруденции», ряд материалов из переписки русского посла в Дрездене князя А. М. Белосельского, хранящейся в Архиве Министерства иностранных дел, а также протоколы лейпцигского следствия о бунте русских студентов из Архива Лейпцигского университета.

На этих же материалах строится и соответственная глава книги Г. П. Макогоненко «Радищев и его время». При чтении этих двух работ бросается в глаза двоякое отношение их авторов к публикуемым документам. Если сильной стороной книги А. И. Старцева, вводящей в научный оборот много новых интересных документов, является обилие публикаций, то в этом же заключается и ее уязвимое место: публикация зачастую заслоняет исследование, оттесняет его на второй план, становится самоцелью. В книге же Г. П. Макогоненко главное место занимает исследование, и каждый документ ценен для автора лишь тем, что он дает нового для понимания идейного формирования

¹ Изд. «Советский писатель», М., 1956, 189 стр. (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте).

² «Записки Отдела рукописей», вып. 18, ЛБ, М., 1956, стр. 230—327.

³ Гослитиздат, М., 1956, 774 стр. (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте). Студенческим годам отведена в ней специальная глава (стр. 23—121). См. рецензии на книгу Г. П. Макогоненко «Радищев и его время»: Б. Мейлах. Новое исследование об А. Н. Радищеве. «Москва», 1957, № 10, стр. 222—223; С. Покровский. Новое исследование о Радищеве. «Новый мир», 1957, № 8, стр. 239—241.

⁴ P. Hoffmann. Russische Studenten in Leipzig 1767—1771. Ein Beitrag zur Radiscev-forschung. «Deutsch-slawische Wechelseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Gesammelte Aufsätze. E. Winter zum 60 Geburtstag dargebracht», Berlin, 1956, стр. 337—348.

Радищева. Автор показывает, в результате каких событий формировался характер и убеждения А. Н. Радищева. Не отрицая большого значения занятий в университете, разносторонности полученного им образования (о чем свидетельствуют аттестаты профессоров, у которых занимался Радищев), Г. П. Макогоненко считает, что «воспитание жизнью и было едва ли не главным в формировании убеждений и характера Радищева во время пребывания его в Лейпциге» (стр. 39).

В связи с этим в книге рассматривается вопрос о самостоятельном изучении русскими студентами новейшей просветительской литературы; о роли Ф. В. Ушакова, идейного вождя и друга Радищева.

На основании анализа новых архивных документов воссоздается во всей полноте истинная картина мятежа русских студентов, рисуется его непосредственная причина, ход событий, поведение участников. Правильно определяя его значение, автор пишет, что бунт учил Радищева, что «насилию, неправде, самодержавному гнету надо противиться. Только в сопротивлении, в мятеже человек, живущий под игом деспотической власти, может сохранить себя как личность, отстоять свою свободу и достоинство» (стр. 49).

Не остался без внимания и такой важный вопрос, как связи студентов с Россией. По мнению автора, нельзя представлять себе жизнь студенческой колонии оторванной от жизни их отечества.

Наряду с событиями жизни в Лейпциге получают поэтому свое отражение и события русской действительности 1767—1771 годов. Так, подробно рассматривается в книге деятельность Комиссии по составлению Нового уложения, процесс становления просветительской идеологии в России (определяются черты, общие для Просвещения вообще, и своеобразие русского Просвещения), деятельность первых русских просветителей: Я. Козельского, Н. Новикова, Д. Фонвизина, Н. Курганова. Причем Г. П. Макогоненко, изучив положение дел в лейпцигской колонии русских студентов и в просветительской среде в Петербурге, приходит к интересному выводу, что в идейном развитии как тех, так и других было много общего.

Таков коротко круг вопросов, поднимающихся в книге Г. П. Макогоненко, в главе, посвященной студенческим годам Радищева.

Что касается книги А. И. Старцева, то она состоит из трех глав: 1) «Русские студенты в Лейпциге» (стр. 5—97), 2) «„Бунт“ русских студентов» (стр. 99—169), 3) «Друг Радищева» (стр. 171—189), а по содержанию распадается на две

части: исследование (главы 1 и 3) и публикацию архивных документов (глава 2).

Значительную часть своей книги автор уделяет деятельности кружка русских студентов в Лейпциге, который он по праву называет кружком Ушакова—Радищева, и характеристике друга и наставника Радищева — Ф. В. Ушакова. Справедливо считая, что «история жизни друзей Радищева органически входит в историю жизни самого Радищева» (стр. 173), А. И. Старцев подробно останавливается на фигуре каждого из 12 молодых дворян, посланных за границу.

Особенно интересна глава «Друг Радищева», полностью посвященная С. Янову, в которой содержится ряд неизвестных до сих пор сведений о последнем. Например, известное «Описание Тобольского наместничества», автором которого считался Радищев, в действительности, как устанавливает Старцев, было лишь его переводом статьи Янова, написанной по-французски.⁵

А. И. Старцев довольно убедительно доказывает и то, что «Янова следует рассматривать как деятеля радищевского круга» (стр. 189). Это тем более интересно, что «сочувственники» Радищева, как он их сам называл, оставались до сих пор незаслуженно в тени.

Находит свое подробное отражение в книге А. И. Старцева и бунг русских студентов, эта, по словам Радищева, «знаменитейшая эпоха его жизни... деятельная наука нравственности во многих отношениях».

Освещается в книге и вопрос о связях студентов с Россией. А. И. Старцев считает, что «кружок, живший столь напряженной умственной жизнью», не мог «пропустить без внимания хотя что-либо из того, что удавалось узнать о событиях социально-политической и культурной жизни на Родине», что «связи студентов с Россией существовали и имели непрерывный характер» (стр. 61, 66).

Нельзя не согласиться и с соображениями А. И. Старцева о влиянии, которое испытывал Радищев, когда воспитывался в доме своих родственников Аргамаковых; впрочем, здесь во многом повторяются указания Я. Л. Барскова.⁶

Заслуживает самого пристального внимания публикация архивных документов, связанных с бунтом 1767 года, — коллек-

⁵ Этот очерк см.: А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. III, Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 133—142. (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте, например: ПСС, III, стр. 133—142).

⁶ См.: Я. Л. Барсков. А. Н. Радищев. Жизнь и личность. В кн.: Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 17—170.

тивных писем студентов, писем Ф. Ушакова, протоколов допросов студентов, доношений их воспитателя Бокума, сообщений русского посла в Дрездене князя Белосельского и др. Эти материалы позволяют всесторонне восстановить всю картину студенческого бунта, проследить его причины, ход, определить значение, которое он имел в их жизни. Правда, иногда, увлекшись публикацией, автор впадает в крайность, так как далеко не все документы являются одинаково ценными⁷ и, следовательно, не все из них, может быть, нужно было опубликовывать, тем более, что, во-первых, часть из них уже была напечатана,⁸ а во-вторых, все новые материалы вышли почти одновременно с книгой в «Записках Отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина с вводной статьей и примечаниями того же А. И. Старцева.⁹

К сожалению, исследователь, публикуя материалы, в сущности отказывается от их комментирования, так как те краткие пояснения, которыми они сопровождаются, не совсем отвечают требованиям, предъявляемым к научному комментарию. В непосредственной связи с этим находится и основной недостаток книги. Автор ставит перед собой задачу «правильно и полностью понять формирование молодого Радищева», для этого, как он верно говорит, «должны быть тщательно изучены все существенные обстоятельства жизни студентов в Лейпциге» (стр. 9). Однако имея в своих руках документы, позволяющие по-новому взглянуть на все события этого периода в жизни Радищева и его товарищей, сделать новые выводы и разрешить поставленную себе задачу полностью, А. И. Старцев этого не делает, а ограничивается либо повторением традиционных и не всегда верных точек зрения, либо выдвигает утверждения, истинность которых весьма сомнительна.

Так, он сосредоточивает свое внимание лишь на теневых сторонах университетского преподавания в Лейпциге, почему-то совершенно не желая замечать то положительное, что дали занятия в университете молодому Радищеву.

Вот что мы читаем буквально на первых страницах книги А. И. Старцева: «Значение для Радищева его занятий в Лейпцигском университете преувеличено его дореволюционными биографами... Это совершенно неправильно. В стенах Лейпцигского университета русские студенты познакомились не с „тогдашним состоянием науки“, а с состоянием немецкой университетской

⁷ Например, донесения барона Гогенталя и др.

⁸ «Сборник Русского исторического общества», т. X, 1872 (письма Екатерины II, донесение Нетмана и др.).

⁹ «Записки Отдела рукописей», вып. 18, ЛБ, М., 1956, стр. 230—327.

науки в 60-х годах XVIII века, которое никак не удовлетворяло требованиям передового европейского знания» (стр. 7). «Что касается... передовой общественной науки XVIII века, руководимой идеями Просвещения, то русские студенты действительно усваивали эти „идеи и начала“ в лейпцигские годы, но как раз вне стен Лейпцигского университета и зачастую в борьбе с представителями университетской науки» (стр. 7—8). «Жажда знаний вела их в область философской и морально-правовой теории, и здесь они вынуждены были следовать за своими учителями в дебри бессодержательной догматики и реакционной идеалистической метафизики» (стр. 36). И, наконец, как вывод: «Суммируя идейную работу русских студентов в Лейпциге, можно утверждать с достаточной уверенностью, что они отвергли университетскую науку, так как они стояли на идейных позициях Просвещения» (стр. 66). Приводя такой документ, как коллективный отказ студентов слушать лекции профессора Беме 1771 года, А. И. Старцев и в нем видит лишь подтверждение того, что якобы и Радищев и его товарищи «к этому времени усвоили вполне отрицательное отношение к лейпцигской университетской науке» (стр. 47).

Нам кажется, что подобные обобщения недостаточно обоснованы. Это становится особенно наглядным, если учесть следующие факты:

1. Знакомство с новейшими архивными материалами показывает, что именно в Лейпцигском университете Радищев получил блестящее, энциклопедическое образование: знание философии, истории, юриспруденции, литературы, медицины, химии, физики, математики, логики, иностранных языков (немецкого, французского, латыни, итальянского). Достаточно обратиться к материалам о результатах всех экзаменов, отзывам профессоров, письмам Белосельского, в которых неизменно отмечалось, что наиболее «образованным» из всех студентов, «превзошедшим даже чаяния своих учителей», был А. Н. Радищев.

2. Итогом занятий студентов в университете являются их письменные сочинения. К сожалению, до сих пор они не найдены, но об их тематике, о характере вопросов, которые в них поднимались, можно судить по сочинению Ф. Ушакова, план и содержание которого подробно излагает Радищев в «Житии» последнего. На примере этого сочинения видно, насколько важные и серьезные проблемы ставили и разрешали студенты в своих работах, как хорошо они были знакомы с современной философской наукой. В сочинении Ф. Ушакова, помимо завуалированных ссылок на разных философов и полемики с ними, имеется целый ряд прямых упоминаний «Общественного дого-

вора» Руссо, трактата Беккариа «О преступлениях и наказаниях» и т. д.

Известно, что А. Н. Радищев высоко оценивал произведение Ушакова, говоря, что последний избрал «для сего наиважнейшие предметы до человека, касающиеся в гражданском его отношении» (ПСС, I, стр. 181). Возможно, что и рассуждения, написанные Андреем Рубановским («О свойствах нейтралитета», «О размножении народа»), о которых упоминает Новиков, представляли собой его студенческие сочинения.¹⁰

3. Далеко не все профессора Лейпцигского университета были такими реакционерами и схоластами, какими их рисует А. И. Старцев. Достаточно назвать имена таких крупнейших и передовых профессоров своего времени, как Гоммель, талантливый ученый, горячий защитник идей Беккариа, выступавший за отмену смертной казни; как Эрнест Платнер, читавший лекции по метафизике, психологии, эстетике, критиковавший действовавшие тогда законы и указывавший на несправедливость в отношениях между бедными и богатыми. На всю жизнь запомнил Радищев и лекции экстраординарного профессора философии и поэта Христиана Геллерта. Спустя много лет он вспоминал: «...шпастием пользовались мы, хотя не долгое время, в Лейпциге, наслаждаясь преподаваниями в словесных науках известного Геллерта» (ПСС, I, стр. 180). В это время преподавал на юридическом факультете и другой ученый, Христиан Гарве, в дальнейшем известный писатель, философ и переводчик. Высокую оценку его взглядов мы находим в трактате Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии» (ПСС, II, стр. 123). У профессоров университета Шотта и Швабе Радищев занимался в течение нескольких лет. Они были одновременно и издателями ряда журналов, в которых печатались статьи самого разнообразного содержания, в том числе даже и о положении крепостного крестьянства, а это несомненно свидетельствует о том, что названные профессора едва ли были людьми реакционными. И, наконец, трудно предположить, чтобы студенты, по словам А. И. Старцева, «отвергнув университетскую науку», после этого поднялись на бунт за право посещать лекции одного из профессоров того же университета — Шмидта.

Приведенные факты свидетельствуют, что русским студентам было чему и у кого учиться в Лейпциге. Не следует, конечно, умалять и роль самостоятельных занятий, критического

¹⁰ Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 193.

чтения и изучения книг просветителей, совместных споров и об- суждений прочитанного, наблюдений над действительностью.

Таким образом, иногда получается, что документы, опубли- кованные в книге, позволяют извлечь из них значительно больше, чем это делает автор; в результате чего порой создается впечатление, что А. И. Старцев обходит молчанием то новое, что дают эти документы, если оно противоречит его концепции.

Так, вслед за многочисленными дореволюционными и целым рядом советских исследователей А. И. Старцев видит причину бунта только в тяжелом материальном положении студентов, утверждая, что Радищев восставал «против жестокого гофмей- стера во имя жизненных удобств, о которых шла речь и которых так и не добились студенты», правда, испытывая при этом «ве- нависть к самовластию и жажду справедливости» (91 стр.).

В действительности же плохое материальное положение, скудость пищи, плохая одежда, скверные жилищные условия не были главной причиной бунта. Основной его причиной было стремление студентов добиться самостоятельности в праве ре- шать самые важные для них вопросы: как, чему, у кого учиться им в университете, по плану ли, навязанному свыше, или по их собственному выбору? Ведь не случайно же сами студенты в коллективном письме от 21 апреля 1767 года все время под- черкивают, что главное для них — это занятия. Они возму- щаются тем, что по приезде в Лейпциг не сразу приступили к учению, а «провели целый месяц, занимаясь пустяками».

Наконец, их зачисляют в университет. «Порядок наших за- нятий, — пишут студенты, — заранее предусмотрен. Мы соблю- даем его в точности, хотя в него вносится много добавочного, а также вещи, противоречащие здравому смыслу. Мы стараемся скрыть от самих себя беспорядок, который царит в нашем ма- леньком обществе; мы делаем усилия, чтобы преодолеть препят- ствия, которые ставятся нам, словно нарочно, в наших заня- тиях. . . Мы подавляли, однако, в своей душе справедливые жа- лобы, постоянно имея в виду, что при занятиях спокойствие сердца и духа есть главная движущая сила».¹¹

Эти выдержки в достаточной степени показывают, что пока Бокум не посягал на их духовную свободу, они еще как-то ми- рились со своим тяжелым материальным положением, хотя, ко- нечно, пытались бороться за свои права, но до бунта дело не доходило.

¹¹ См. письмо студентов А. М. Белосельскому от 21 апреля 1767 года: Архив внешней политики России, ф. «Сношения России с Саксонией», 1767 год, д. 99, лл. 31—32. Приведено в книге Старцева на стр. 103—105. Современный русский перевод. Подлинник на французском языке.

Новые архивные материалы позволяют восстановить всю картину бунта русских студентов, как он протекал в действительности: 25 июня 1767 года двое студентов, Трубецкой и Несвижский, пришли к Бокуму и от имени всех студентов заявили, что они не желают больше слушать лекции профессора Беме по истории, так как якобы не понимают его из-за плохого знания немецкого языка. Этот аргумент, несомненно, был простой отговоркой, а на самом деле их не удовлетворяло содержание лекций.

Студенты и в дальнейшем неоднократно отказывались слушать лекции Беме — в 1769 и 1771 годах, т. е. и тогда, когда они уже вполне овладели языком.

Вместо лекций Беме они стали без разрешения Бокума, тайно от него, посещать лекции о морали на французском языке у профессора Шмидта. Узнав об этом, Бокум, однако, не пошел навстречу желанию студентов, но сначала прочел им длинную нотацию, а затем, увидев, что вместо должного впечатления она вызвала взрыв возмущения, посадил одного из них (князя Трубецкого) под арест. Так начался бунт. Как видим, причина, вызвавшая его, — нежелание студентов слушать лекции реакционного профессора.

Казалось бы, вопрос о характере лекций Беме и Шмидта естественно должен был бы встать перед исследователем. Однако о лекциях этих профессоров ровно ничего в книге не говорится. Вместо того чтобы попытаться выяснить, какова, например, личность профессора Шмидта, что он читал, почему именно его лекции хотели слушать русские студенты, А. И. Старцев ограничивается лишь кратким пояснением, что, очевидно, это был экстраординарный профессор философского факультета Христиан Фридрих Шмидт (стр. 159), не приводя никаких этому доказательств. Не находим мы исчерпывающего ответа на этот вопрос и в книге Г. П. Макогоненко, так как нельзя с твердым убеждением сказать, что и тот, другой профессор Шмидт (немецкий публицист, автор книг, вдохновленных просветительской идеологией), о котором говорится у него, как раз и является именно тем самым профессором Шмидтом, чьи лекции о морали слушали студенты. Так что в этом вопросе в настоящее время пока нет полной ясности.

В непосредственной связи с тезисом А. И. Старцева, стремящегося доказать, что Радищеву нечему было учиться в Лейпциге, находится отбор материала. В результате получается, что книга, носящая название «Университетские годы Радищева», освещает далеко не все вопросы, возникающие при изучении лейпцигского периода в жизни русских студентов, хотя материал,

имевшийся в распоряжении автора, представлял для этого полную возможность.

Как известно, большая часть материалов о студенческих годах Радищева извлекается из дела № 62, хранящегося в ЦГАДА, к которому, как сообщается во введении к рецензируемой книге, обращался и А. И. Старцев.

В этом обширном деле, помимо уже опубликованных материалов, имеется еще ряд несомненно интересных документов, заслуживающих введения в научный оборот. Так, не привлекаются в полной мере материалы, непосредственно связанные с занятиями студентов: из всех многочисленных экзаменов, которые сдавали русские студенты в Лейпцигском университете, упоминается только один. Не используется и такой документ, опубликованный Г. П. Макогоненко, несомненно представляющий интерес для биографа Радищева, как отзыв князя Белосельского о Радищеве, Рубановском, Кутузове, в котором он просит оказать молодым людям «некоторое поощрение, дабы произвести в них более желания сделаться полезными», так как «если рождающиеся достоинства должны быть покровительствуемы, то по справедливости» можно «представить господ Радищева, Кутузова и Рубановского; которые в бытность свою в Лейпциге наиболее оказали прилежности к наукам».¹²

Из поля зрения автора выпадают и материалы о путешествии из Петербурга до Лейпцига, о городах, где останавливались русские студенты, осматривая достопримечательности каждого из них, — об этом первом знакомстве с Западной Европой; о бытовой стороне путешествия, столкновениях с Бокумом, начавшихся буквально в первый же день отъезда из России.

Совершенно не затрагиваются в книге и вопросы студенческого быта. Автор даже не делает попытки выяснить, чем занимались студенты в свободное от занятий время, где бывали, что читали, — ограничиваясь категорическим заявлением, что нам «совершенно неизвестно», что читали русские студенты (стр. 62). Однако можно было бы использовать в этой связи такой документ, безусловно известный автору, как «Известие о купленных для обучающихся в Лейпциге российских дворян книгах», где, помимо 34 названий книг, бывших в распоряжении студентов, упоминаются — и это особенно интересно, какие-то «российские книги», т. е. книги, очевидно, присылавшиеся из России. Кроме того, можно считать доказанным, что, находясь в Лейпциге, Радищев и другие студенты не только читали

¹² ЦГАДА, ф. 249, д. 6465, 1771 год, л. 527. Письмо А. М. Белосельского А. В. Олсуфьеву от 18/28 октября 1771 года.

«СПб. ведомости», но определенно имели возможность знакомиться и с другими периодическими изданиями.¹³

Следовало также привлечь и лейпцигскую журнальную и книжную продукцию того времени. Это в какой-то мере могло бы ответить на поставленный вопрос. Уже только беглое знакомство с журналами, выходившими в Лейпциге в конце 1760-х—начале 1770 годов, показывает, что большая часть из них издавалась профессорами Лейпцигского университета (Шоттом, Швабе, Гогенталем), у которых, как уже отмечалось выше, занимался Радищев. Поэтому мало вероятно, чтобы он не был знаком с этими журналами, тем более что содержание их очень разнообразно и интересно. В журналах печатались статьи по экономике и истории, философии и теории литературы. Ряд статей посвящен вопросам, стоявшим в центре внимания тогдашней мировой общественной мысли, там были также статьи о созыве в России Комиссии для сочинения проекта Нового уложения, о крепостном праве, положении крестьян, состоянии русской литературы. Трудно предположить, чтобы все это проходило незамеченным в студенческой колонии.

Почти не затрагивается в книге последний период жизни Радищева в Лейпциге — 1770—1771 годы. Ничего не говорится об отъезде в Петербург, об устройстве на службу и т. д.

Следует также упрекнуть автора в недостаточной аргументации некоторых положений. Так, к примеру, приходится верить автору на слово, когда он утверждает, что коллективные письма студентов, относящиеся ко времени бунта, и расписка в получении денег накануне отъезда в Россию в 1771 году составлены и написаны С. Яновым (стр. 177—178) (вопреки другой точке зрения о принадлежности писем Ф. Ушакову). Возможно, это и так, но, во-первых, это положение никак не обосновывается, а во-вторых, даже если письма действительно написаны рукой Янова, то и это еще не означает, что сочинены они были им одним, а все остальные студенты лишь согласились с их содержанием, поставив свои подписи.

В книге выдвигается несколько гипотез, документально никак не подтвержденных. В таком случае, может быть, их следовало бы облекать в менее категорическую форму. Так, например, из того, что Белосельский в 1771 году написал Панину рекомендательное письмо с высоким отзывом о Радищеве, делается вывод, будто Радищев предполагал избрать своим поприщем диплома-

¹³ См. об этом подробнее наше сообщение «О связях с Россией А. Н. Радищева в лейпцигский период» в сборнике «XVIII век» (вып. 3 Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 527—537).

тическую службу (стр. 50), тогда как имеются документы, позволяющие утверждать, что студентов и посылали за границу для последующей работы в судебных учреждениях и по возвращении в Россию сразу же использовали по прямому назначению, определив на службу в Сенат — крупнейшее судебно-административное учреждение страны. В то же время, опять противореча самому себе, автор несколько ниже пишет, что «источники не сохранили для нас свидетельств, которые помогли бы судить о том, как были намерены молодые юристы применять свои знания и убеждения, вернувшись на Родину» (стр. 66). Также в категорической форме говорится о том, что русские студенты «не встречали единомышленников и товарищей среди окружавшего их немецкого студенчества» (стр. 52), в то время как об этом ничего неизвестно и делать какие-нибудь заключения на этот счет представляется не совсем правомерным.

Теперь несколько слов о построении книги. В изложении смешиваются два принципа: хронологический и «проблемный». Это неизбежно влечет за собой непоследовательность в расположении материала. Так, начиная изложение 1766 годом, т. е. отъездом студентов в Лейпциг, автор далее очень кратко рассказывает о содержании их занятий в университете, кончая октябрём 1771 года (см. гл. I, раздел 3). В следующем разделе мы вновь возвращаемся к начальному этапу: отъезд из Петербурга в Лейпциг, столкновения с иеромонахом и майором, проблема нерелигиозности студентов. Неожиданно автор переносит нас в еще более ранний период жизни Радищева — в Петербург. Дается подробная характеристика развращающего быта двorca и Пажеского корпуса, — все это для того, чтобы привести материалы об Аргамакове, его следственное дело, сказать о влиянии Аргамакова на Радищева. Эти сами по себе интересные материалы стоило перенести, однако, в другую часть книги, где они логически были бы более уместны. После этого А. И. Старцев вновь перебрасывает нас в Лейпциг, упоминая о русских людях, приезжавших туда, и заканчивает этот раздел цитатой из «Жития Ф. В. Ушакова» — о стремлении Радищева вернуться на Родину, дабы «жертвовать и жизнью для пользы отечества», т. е. говорит о чувствах, владевших Радищевым накануне отъезда в Россию — в 1771 году.

Казалось бы, от этого последнего периода пребывания в Лейпциге трудно сделать скачок и возвратиться к начальному этапу, но тем не менее в следующем 5-м разделе мы вместе со студентами (в который уже раз?!) опять выезжаем в 1766 году из Петербурга, опять узнаем о столкновениях с Бокумом и т. д.

Прежде чем кончить рассмотрение книги А. И. Старцева, остановимся на ряде мелких, но досадных неточностей, которые в дальнейших изданиях могут быть устранены.

1. Не совсем верно передается смысл документа о С. Подобедове — якобы он служил «студентом в уложенной Комиссии» (стр. 65). Точнее было бы сказать, что студент С. Подобедов «находился при оной для письма...»,¹⁴ т. е. служил переписчиком бумаг.

2. Эрнест Платнер никогда не читал лекций по математике (стр. 29). Это ошибка в переводе документа. В немецком подлиннике ясно написано, что он читал лекции по метафизике (*Metaphysik*).¹⁵

3. Вряд ли можно согласиться с характеристикой А. И. Старцевым Ф. Ушакова как «молодого русского революционера», «борца-революционера» (стр. 94, 96), тем более, что это положение никак не развернуто. В то же время в литературе существует другая точка зрения, что Ф. Ушаков, как и Новиков и ряд других, никогда не разделял революционных взглядов на переустройство общества, он был просветителем и только.

4. Имеет место разнобой в датах: часть из них приводится по новому стилю, часть — по старому. К примеру: днем написания инструкции считается 22 сентября 1766 года (стр. 25) — по старому стилю. А отъезд студентов в Лейпциг датируется 4 октябрём того же 1766 года — по новому стилю (стр. 67), тогда как если привести все даты к единообразию, то надо датировать либо отъезд 23 сентября, либо написание инструкции 3 октября.

5. Видимо, вкралась ошибка в указание шифра архивного дела о производстве Радищева, Рубановского и Кутузова в титулярные советники. Его номер не 6470, как указывается в книге (стр. 28), а 6465.

Однако не взирая на указанные недочеты и спорные места, книга А. И. Старцева несомненно является значительной и интересной работой, вводящей в научный оборот ряд архивных материалов первостепенного значения и знакомящей читателей с одной из малонизученных страниц биографии Радищева. И можно только пожалеть о том, что она появилась лишь в 1956 году, тогда как многими материалами, на которых она строится, автор владел еще в 1946—1947 годах (об этом свидетельствуют листы использования архивных дел), и только из-за

¹⁴ ЦГАДА, Госархив, Р. XVII, д. 62, 1766—1775 годы, л. 233 об.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 249, д. 6465, 1771 год, л. 535 (аттестат).

некоторых, независящих от него обстоятельств эта интересная работа фактически появилась почти на 10 лет позже, чем она могла бы появиться.

II

Статья молодого немецкого исследователя Петера Гофмана «Russische Studenten in Leipzig 1767—1771» основана на русских печатных и архивных материалах.¹⁶ Она обращена, в основном, к немецкой аудитории, поэтому многие факты и выводы, к которым приходит автор, для советского читателя не являются новыми.

Основные положения этой статьи следующие:

1. Выясняя обстоятельства студенческого бунта, автор справедливо считает, что «основное столкновение русских студентов с их гофмейстером последовало в первой половине 1767 года» (стр. 348), при этом речь шла не о единичном столкновении, а о ряде столкновений, достигших в июне 1767 года своей высшей точки. Однако, правильно описывая начало бунта, ход, последовательность событий, автор совсем не останавливается на том, какое значение имел бунт в жизни Радищева. Причины бунта также трактуются несколько односторонне, как только материальные, а не как идеологические. П. Гофман даже не упоминает фамилии профессора Шмидта, хотя именно стремление слушать его лекции, как было указано выше, и послужило одним из поводов к бунту.

2. Определяя круг лиц, с которыми встречались русские студенты, автор приходит к очень интересному выводу, позволяющему ответить положительно на вопрос, давно волнующий всех исследователей Радищева: был ли знаком Радищев с Гёте, учившимся в те же годы в Лейпциге?

П. Гофман указывает, что Гёте был «частым гостем господина Кройхауфа» (Kreuchauf), в чьем доме жили русские студенты (стр. 347). Этот Кройхауф — владелец торгово-льняных и экспедиционных предприятий, имел многосторонние художественные интересы и был одним из основателей и директоров созданного в Лейпциге в 1743 году концертного общества. По возвращении во Франкфурт Гёте в первом своем письме к профессору Эзеру (Oeser) просил передать привет господину Кройхауфу. Это позволяет, по мнению Гофмана, «с определен-

¹⁶ Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten, Berlin, Academie-Verlag, 1956, стр. 337—348. (В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте; все цитаты из статьи даются в русском переводе).

ностью заключить, что Гёте и русские студенты, по меньшей мере, хоть с виду знали друг друга» (стр. 348).

Любопытен и ряд приводимых П. Гофманом выдержек из «Лейпцигской летописи», подтверждающих некоторые даты, известные нам до сих пор лишь по русским источникам: это даты приезда студентов в Лейпциг, смерти А. Несвижского, Ф. Ушакова и др. По поводу занятий Радищева в университете автор с сожалением констатирует, что «не может сказать ничего нового» (стр. 346), так как архив юридического факультета Лейпцигского университета был разрушен в последнюю войну англо-американской авиацией.

П. Гофман упрекает советских исследователей в том, что, по существу, в последних работах о лейпцигском периоде жизни Радищева, имеющем, с его точки зрения, «исключительное значение для развития революционных идей, которых достиг в конце своей жизни Радищев», говорится не больше, чем в «Житии Ф. В. Ушакова» (стр. 337—338), и выражает пожелание, чтобы имеющиеся в архивах Советского Союза материалы по этой теме были опубликованы, так как это может дать ряд новых исходных точек для дальнейших исследований (стр. 348). Думается, что на это пожелание, как и на справедливые упреки, обращенные в адрес советских исследователей, полностью отвечают два труда, вышедших в 1956 году: книга Г. П. Макогоненко «Радищев и его время» и книга А. И. Старцева «Университетские годы Радищева».

В статье П. Гофмана есть ряд мелких неточностей. Подчеркивая значение лейпцигского периода в жизни Радищева, автор в подтверждение приводит следующую цитату из «Путешествия из Петербурга в Москву»: «Но когда сравню знания семинаристов с тем, что я имел случай по щастию моему узнать, то почитаю училище наше принадлежащим к прошедшим столетиям» (ПСС, I, стр. 258), полагая, очевидно, что здесь Радищев говорит о годах своего учения в Лейпциге (стр. 337). В действительности эти слова принадлежат не самому Радищеву, а его литературному герою-семинаристу, который, естественно, в Лейпциге не учился и который под словами «наше училище» несомненно разумел семинарию, а не Лейпцигский университет.

Выясняя роль, которую сыграл преподаватель студентов Вицман во время бунта, когда он отправился в Петербург с письмами студентов, сообщавшими об их тяжелом положении, П. Гофман добавляет, что «вероятно, Вицман остался в Петербурге» (стр. 344). Очевидно, автору осталось неизвестным со-

общение П. Н. Беркова о Вицмане в статье: «Материалы для биографии А. Н. Радищева».¹⁷

При описании бунта 1767 года П. Гофман приводит слова князя Трубецкого, отказавшегося от имени всех студентов слушать лекции профессора Беме. И далее следует утверждение, будто студенты объявили, что они лекциям Беме предпочитают труд Мабли «Публичное право Европы», так как эта книга, по мнению всего света, определенно «содержит в себе гораздо больше, чем может быть сказано об этом предмете в каких бы то ни было лекциях» (стр. 342). Этот факт, действительно, имел место, но только не во время студенческого бунта 1767 года, а в 1771 году, когда Радищев, Янов, Рубановский и Кутузов написали письменный отказ от посещения лекций Беме.

Иногда в статье устанавливается причинно-следственная связь между фактами, в действительности ее не имеющими: общая о том, что 22 сентября 1766 года Екатерина II собственноручно составила инструкцию для воспитания молодых дворян, П. Гофман добавляет: «...отъезд из Санкт-Петербурга должен был еще на долгое время задержаться, так как (курсив наш, — М. А.) только 11 февраля 1767 года студенты прибыли в Лейпциг» (стр. 338). Прибытие студентов в Лейпциг в феврале 1767 года объясняется их задержкой не в Петербурге, а в пути. Это подтверждается рядом документов, где датой отъезда студентов из Петербурга называется 23 сентября 1766 года. В своем коллективном письме от 21 апреля 1767 года студенты также сообщают, что после долгого, очень утомительного, длившегося почти 5¹/₂ месяцев путешествия, они, наконец, достигли Лейпцига.

Сообщая о письме майора Бокума от 1 мая 1767 года, полным упреков и жалоб на студентов, П. Гофман пишет, что в нем называется Ф. Ушаков, который «благодаря своей прежней деятельности уже имел статский чин, соответствующий майорскому рангу. Бокум просил категорически поэтому (курсив наш, — М. А.) освободить его от надзора за этим студентом» (стр. 341). На самом деле Бокум просил освободить его от надзора за Ушаковым не потому, что он был в равном ему чине, а потому, что тот, якобы, совершенно не подчинялся, дурно влиял на всех остальных и вообще был главным виновником студенческого бунта и т. д.

Все сказанное отнюдь не умаляет значения статьи П. Гофмана, вносящей свою долю в исследование биографии Радищева. Можно только пожелать автору, чтобы он не бросил начатой темы, ибо лишь совместными усилиями советских и зарубежных

¹⁷ См.: Сб. «Радищев. Статьи и материалы», Л., 1950, стр. 222—227.

исследователей могут быть разрешены многие спорные и неясные вопросы жизни и творчества Радищева, в особенности те вопросы, которые могут быть правильно освещены при помощи документов, хранящихся в заграничных архивах и библиотеках.

Так, прежде всего необходимо:

1) выяснить более точно, кто был тот «таинственный» профессор Шмидт, чьи лекции о морали слушали русские студенты, попытаться найти какие-либо сведения о содержании его лекций;

2) предпринять попытку обнаружить в Архиве Лейпцигского университета студенческие сочинения Радищева и других студентов, представленные ими на экзамене летом 1769 года;

3) расширить сведения о связях Радищева, постараться установить связи, существовавшие между русскими и немецкими студентами; для этого могут быть привлечены архивные материалы и мемуарные источники;

4) привлечь книжную и журнальную продукцию 1767—1771 годов. Фронтальный просмотр немецких журналов за эти годы позволит проверить имеющиеся у нас сведения о том, что русские студенты, находясь в Лейпциге, печатали в немецких журналах свои статьи. Так, в частности, Н. Новиков в своем «Опыте исторического словаря» сообщает, что А. Рубановский, друг Радищева, учившийся вместе с ним в Лейпциге, «сочинил на немецком языке рассуждения: 1) о свойствах нейтралитета; 2) о размножении народа; также перевел с французского на немецкий язык из сочинений г. Волтера рассуждение о человеке, поэму на разрушение Лиссабона и оду славного Томаса о должностях общежития, из коих некоторые напечатаны в Лейпциге 1771 года»¹⁸ (курсив наш, — М. А.).

¹⁸ Н. И. Новиков. Опыты исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 193.